

«ПУСТЬ БУДЕТ ДВЕРЬ ОТКРЫТА...»

Культура. — 1994. — 12 марта. — С. 12.

Без сомнения, самый поющий драматический театр в Москве — «Ленком». Последняя премьера — «Безумный день, или Женитьба Фигаро» еще раз доказала это. Поддерживать такую репутацию коллектива помогает главному режиссеру главный хормейстер, а также педагог и певица Ирина Мусатян. Кто видел «Поминальную молитву», едва ли забудет потрясающий вокализ, что звучит в самой трагической сцене спектакля. Так вот — исполняет его она, Ирина. И саму молитву в финале — тоже. Воспоминания об этой ее работе и определили тональность нашей беседы.

— Говорят, если Бог в каком-то доме открывает дверь, в другом захлопывает окно... Чего было больше до сих пор в вашей жизни!

— Были и открытые двери, к сожалению, были и закрывшиеся окна. Но я счастливая — «дверей» было гораздо больше. Была музыкальная школа, где чудесный педагог Евгения Осиповна Малкина учила меня не просто игре на рояле — учила Музыке. По окончании вокального отделения консерватории был Московский камерный хор Владимира Минина. Здесь тоже не просто пели, но творили Музыку. И, наконец, восемь лет назад открылась моя «дверь» в «Ленком». Я поняла, что этот театр станет моим, когда услышала, как Марк Анатольевич Захаров, оценивая показ молодого актера в сугубо драматической роли, одобительно произнес: «Очень музыкальный человек».

— Расскажите, пожалуйста, как появился в «Поминальной молитве» ваш знаменитый вокализ!

— Эту мелодию должен был исполнять хор. Но мне показалось, что в виде вокализа —

плача она прозвучит гораздо сильнее. На свой страх и риск мы с концертмейстером Дмитрием Кудрявцевым решили показать это Марку Анатольевичу.

— Как мне рассказывали, то первое исполнение вызвало слезы у потрясенных слушателей. И с тех пор это происходит на каждом спектакле. Ваш голос записан на пленку!

— В «Ленкоме» не поют под фонограмму.

— Да, я слышала от актеров, что вы умудряетесь научить петь даже тех, кто в театральном институте считался безнадежно непоющим.

— Мне кажется, если актер не поет — это просто издержки его образования. Актерский организм уникален и загадочен. Я уверена, он таит в себе неиссякаемые возможности, в том числе и певческие. Надо только помочь «вытащить» голос и научить им пользоваться.

— Тогда расскажите, как и почему заехали в «Ленком» Дмитрий Певцов, Александр Захаров, Александр Лазарев, Денис Карасев, Андрей Соколов. Почему так легко, красиво и на редкость стабильно зву-

чат их голоса в «Безумном дне», «Тиле», «Юноне» и «Авось» и других спектаклях!

— Стабильно и легко — потому, что они отлично понимают, что и как делают. И это понимание множеством репетиций, упражнений, упорным трудом превращено в навык — основу мастерства. А красиво — потому, что они хорошие артисты. И очень музыкальные люди.

— И все-таки есть же актеры, совершенно лишенные певческого голоса.

— Знаете, когда говорят это, мне всегда приходит на ум великий итальянский трагик Томмазо Сальвини. Семидесятилетний Сальвини, страстный поклонник оперы, любил показывать, как поет совсем молодой в ту пору Энрико Карузо. Зрители были в восторге — какой великолепный голос, какой темперамент! А ведь у Сальвини никогда не было певческого голоса — он просто играл певца Карузо. Понимаете? Но он много лет слушал лучших

певцов, изучал их манеру пения, отлично представлял, как это делается, и он был — Артист!

— Не хотите ли вы сказать, что любой актер может и самостоятельно научиться петь, как Энрико Карузо!

— Ну, если он талантлив, как Сальвини, и регулярно посещает итальянскую оперу, вполне возможно.

— Судя по всему, ваша жизнь принадлежит теперь только театру!

— Мне открылась еще одна «дверь»: я познакомилась с композитором Александром Лавровым. Саша — великолепный музыкант. Его переработка вокальной классической музыки совершенно неожиданны и по содержанию, и по форме. Это не только очень красивая, но и очень современная музыка.

— Я слышала, что с тех пор, как фрагменты этой вашей совместной программы стали зву-

чать по радио, вы получаете много восторженных писем.

— Да. Иногда даже в стихах. У нас появился свой слушатель, и мы очень благодарны за это нашей «первооткрывательнице» — музыкальному редактору «Маяка» Оксане Таран.

— Может быть, ваш прекрасный голос впервые открыл кому-то дверь в мир музыки, красоты и добра!

— Как хотелось бы верить!

— Мне показалось, что каждая ария в вашей программе превращается в самостоятельное музыкально-драматическое произведение, картину.

— Именно так. Причем произведение сюжетное, как сейчас говорят, клиповое. Например «Мелодия» из оперы «Орфей» Глюка. Осенью мы будем снимать этот клип в Германии, в старинном кабачке с музыкальной машиной — это такой металлический круг с зубчиками, и когда он начинает двигаться, возникает мелодия. В кабачке сидят люди — немцы, его всегда давал, русская эмигрантка, музыканты. По залу снуют молоденький официант в наушниках и напевает только им слышимый мотив. И все здесь — горе, счастье, надежды, воспоминания — выливается в мелодию Глюка. Она все вбирает: звучание современных инструментов, крутящееся «колесо», напевающего себе под нос официанта, всех присутствующих... Мелодия, три столетия обитающая в этих стенах, становится мелодией сегодняшнего дня. Настоящая музыка не стареет, просто сегодня мы хотим «пересказать» ее современным языком, чтобы ее также напевали, как напевают после нашего спектак-

ля мелодии из «Женитьбы Фигаро».

— Клипы — клипами. А сольные концерты вы даете!

— Они состоятся в конце марта в Москве. А осенью мы с Лавровым едем с нашей программой на гастроль в Германию. Попытаемся успеть до отъезда выпустить диск. Недавно мы получили очень заманчивое предложение — поставить нашу программу на сцене, в виде театрализованного музыкального шоу.

— Вы действительно счастливый человек — нашли свое место в этом мире и, возможно, даже как-то объяснили его для себя...

— Я поняла только, что человек рождается для любви. О любви, добре и сострадании мы пытаемся говорить на понятном всем языке музыки. Однажды после «Поминальной молитвы» ко мне подошли два пожилых человека, беженцы из Армении. Они сказали мне: «Вся скорбь армянского народа в вашем спектакле, в этой еврейской песне. Мы плакали, и нам стало немного легче. Если бы вас могли услышать те, кто сегодня стреляет друг в друга. Наши дети родились для любви. Они не должны слышать, как гремят выстрелы, как «захлопываются окна». И потому свою концертную программу мы начинаем с «Ave Maria» Каччини, а заканчиваем «Ave Maria» Баха — вечными молитвами о всех ушедших и живущих, эта музыка говорит о мире и любви.

— И о том, что если Бог захлопывает окно, где-то обязательно откроется дверь.

— Мы не боги. Мы просто люди. Но если мы будем чаще открывать друг другу двери, гораздо реже будут захлопываться окна.

Лидия ГАЛУЩЕНКО.